

го населении в несравненно большем нежели прежде количестве» [1, л. 21об.].

Безусловно, отчеты о состоянии епархий, какими бы эмоциональными они не были, являлись официальными документами. Для максимально объективного, насколько это вообще возможно, изложения истории тех событий необходимы свидетельства и католической стороны. Кроме того, для полноты картины необходимы материалы периодической печати, дела местной духовной консистории (в случае сохранности), а также сохранившиеся в фондах Синода и обер-прокурора (РГИА. Ф. 796, 797) донесения правящих архиереев по разным вопросам.

Источники

1. Отчеты о состоянии Гродненской епархии за 1905–1906 годы // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2084.
 2. Отчеты о состоянии Гродненской епархии за 1907 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2204.
 3. Отчеты о состоянии Минской епархии за 1905 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2097.
 4. Отчеты о состоянии Минской епархии за 1906 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2155.
 5. Отчеты о состоянии Минской епархии за 1907 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2219.
 6. Отчеты о состоянии Полоцкой епархии за 1905 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2107.
 7. Отчеты о состоянии Полоцкой епархии за 1906 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2167.
- Отчеты о состоянии Полоцкой епархии за 1907 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2231.

КОМАНДИРОВКА В ГАЛИЦИЮ: ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННИКИ МИНСКОЙ ЕПАРХИИ В РЕШЕНИИ «УНИАТСКОГО ВОПРОСА» В 1915 ГОДУ

Кащеев А.В.
(Минск, Беларусь)

Первая мировая война стала переломной в мировой истории. Этот конфликт обострил межнациональные и межконфессиональные противоречия как между, так и внутри его участников. Для многонациональных и многоконфессиональных государств, как Австро-Венгрия, Российская и Османская империи, эти противоречия привели к распаду и образованию новых государств. В этой связи исследование конфессиональных процессов протекавших в зоне боев и прифронтальной зоне в годы Первой мировой войны представляет особый интерес. Одним из участников этих процессов являлось духовенство. Для Российской империи с ее государственной церковью приоритет отдавался православному духовенству, которое доминировало в действующей армии, в прифронтальной зоне и в тылу. Православное духовенство некоторых епархий, как например Минской, которая за первый год войны превратилась с тыловой в прифронтную, активно привлекалось к реализации государственной конфессиональной политики. Одним из направлений этой политики в 1914–1915 гг. было решение «униатского вопроса» в Галиции, который собственно на территории Российской империи был решен еще в XIX в. На приграничных территориях Австро-Венгрии, занятых в ходе успешного наступления российской армии, проживало значительное количество представителей греко-католического (униатского) вероисповедания. Австро-венгерское правительство накануне войны оказывало всестороннюю поддержку Греко-католической церкви, руководителем которой митрополит Андрей Шептицкий был депутатом австрийского парламента и сейма Галиции [1, с. 144]. Неудивительно, что, несмотря

на русофильские настроения части населения Галиции, руководство и духовенство Греко-католической церкви скептически отнеслось к перспективе российского владычества, учитывая российский опыт решения «униатского вопроса».

Для управления оккупированными территориями Австро-Венгрии было образовано военное генерал-губернаторство во главе с графом Г.А. Бобринским. В руках последнего находилась вся полнота власти, однако вопросы конфессиональной политики он не мог решать без участия Святейшего Синода. Последний в свою очередь проявил большой интерес к выстраиванию вероисповедальной политики в созданном генерал-губернаторстве. В среде высшего церковного руководства и националистически настроенной интеллигенции витала мысль о скором воссоединении униатов с Российской православной церковью. Для ее продвижения в Галицию был направлен архиепископ Евлогий. Сам факт прибытия православного архиепископа в Галицию и первые его проповеди вызвали тревогу среди приверженцев унии. Желая сохранить надежный тыл российской действующей армии, ее командование в лице Великого князя Николая Николаевича требовало, чтобы православные «духовные власти не чинили никаких притеснений униатам и униатскому духовенству» [1, с. 160]. В то же время, военное командование стремилось не допустить в приходы униатских священников, которые покинули свою паству во время наступления российских войск, а также ведущих антироссийскую пропаганду. Генерал-губернатор Г.А. Бобринский издал целый ряд циркуляров, которыми определялся порядок организации религиозной жизни в Галиции. В соответствии с одним из них православные священники могли присылаться в униатский приход, только при условии, если об этом просило не менее 75 % прихожан, при этом православный священник был обязан не препятствовать деятельности униатского священнослужителя в приходе и делить с последним храм. Если униатский священник принимал православие, он

мог оставаться в приходе, если на него не поступало жалоб со стороны прихожан [2]. Подбор и назначение в приходы православных священников должен был осуществлять архиепископ Евлогий, но они допускались в приход только распоряжением генерал-губернатора.

В связи с появлением вакантных должностей перед архиепископом возникла проблема, которую без помощи Святейшего Синода он решить не мог – проблема кадров для новых приходов. В результате в январе 1915 г. вышел синодальный указ, которым Киевский митрополит, Харьковский, Литовский, Кишиневский, Херсонский и Гродненский архиепископы, Подольский, Полтавский, Екатеринославский, Черниговский, Холмский, Полоцкий, Могилевский и Минский епископы должны были предложить священникам подведомственных епархий отправиться в Галицию для исполнения «пасторских обязанностей». Желаящие отправиться в Галицию священники должны были иметь полное семинарское образование и «добрый пасторский настрой», а также владеть «малороссийскою речью». Списки желающих с краткой характеристикой о благонадежности каждого епархиальные консистории должны были отправлять архиепископу Евлогию [3, с. 51–52].

В Минской епархии по состоянию на 1914 г. числились 34 протоиерея и 587 священников [4, с. 24]. Некоторые из священников с началом Первой мировой войны были мобилизованы либо добровольно перешли на службу в российскую действующую армию [5, л. 3–4], но подавляющее большинство оставалось в своих приходах. После получения синодального указа, Минский епископ Митрофан 10 апреля 1915 г. направил письмо благочинным, в котором изложил суть указа Святейшего Синода, отметив, что за теми, кто отправиться в командировку сохраняют приход в епархии с правом пользования жалованием, жилищем и доходами от угодий. По прибытии в Галицию им возместят расходы за поездку (в том числе и деньги на возвращение назад) и установят ежемесячное жалование в размере

100 рублей [6, л. 3]. Эти условия были сопоставимы с условиями перехода в действующую армию православных священников включенных в мобилизационное расписание и являлись достаточно заманчивыми, особенно для настоятелей бедных приходов.

После получения письма епархиального преосвященного, благочинные связывались с подведомственным духовенством, которому разъяснили условия командировки. По имеющимся в Национальном историческом архиве Беларуси материалам, большинство благочинных прислали в епархиальную консисторию рапорта о том, что выразивших желание отправиться в Галицию нет [6, л. 13, 14, 16, 17, 18, 21, 24]. Скорее всего, это связано с двумя основными причинами – во-первых, несоответствие священников выставленным требованиям, и, во-вторых, нежелание приходских священнослужителей отправляться в командировку в малоизвестный регион, где можно столкнуться с враждебной неправославной средой и иными трудностями. В тоже время в благочиниях 2 округа Минского уезда [6, л. 7], 2 округа Новогрудского уезда [6, л. 8–10], 4 округа Слуцкого уезда [6, л. 15], 3 округа Бобруйского уезда [6, л. 22] нашлось по одному священнику желающему отправиться в командировку. В отношении одного из них, Михаила Сулковского, настоятеля Завшицкой церкви Слуцкого уезда, в консисторию поступило коллективное прошение прихожан. Понимая, что окончательное решение о командировке священников в Галицию принимает епархиальный преосвященный, прихожане обратились к нему, так как не желали даже на время терять «хорошего» настоятеля [6, л. 19]. К счастью для паствы отца Михаила, уже в мае 1915 г. началось наступление австро-германских войск, в результате которого Галиция была утеряна, и необходимость командировки священников отпала сама собой.

Таким образом, несмотря на заманчивые условия, единицы священников Минской епархии вызвались отправиться в командировку в Галицию. Фактически материальный фактор для большинства при-

ходского духовенства Минской епархии не являлся определяющим в этом вопросе. Представляется, что решающее значение в желании отправиться в командировку в Галицию, при наличии хорошего прихода и паствы как, например, у Михаила Сулковского, имели личные качества священников и патриотический подъем, который в нач. 1915 г. сохранялся у значительной части населения империи.

Литература и источники

1. Бахтурина, А.Ю. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / А.Ю. Бахтурина. Москва : АЙРО-XX, 2000. – 264 с.
2. Цюцьяк, Р.Б. Распространение православия в Галичине в контексте оккупационной политики Российской империи 1914–1915 гг. / Р.Б. Цюцьяк // История и археология. 2015. № 5. URL: <http://history.snauka.ru/2015/05/2126> (дата обращения: 26.09.2018).
3. Минские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1915. – № 5. – С. 46–54.
4. Приложение к Всеподданнейшему отчету обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. – Петроград, 1916. – 144 с.
5. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 38485. Ответ Минского епископа Митрофана на обращение обер-прокурора Священного Синода от 29.05.1915 г.
6. НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 38453. О вызове священников на службу в Галицию.